

## СЕКЦИЯ «РЕЛИГИОЗНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ»

### **К ВОПРОСУ ОБ АНТРОПОЛОГИИ РЕЛИГИИ ЛИБЕРАЛИЗМА**

*Л. Л. Тайван  
(Рига, Латвия)*

Либерализм — интеллектуальный продукт Просвещения, и как таковой он имеет достаточно известную дефиницию. Однако в том случае, когда мы говорим о либерализме как религии, нужны более глубокие объяснения. Работая в вузовской аудитории, автору этих строк пришлось заметить, что одни и те же истины, к примеру исторической науки, мусульманскими студентами воспринимаются иначе, чем теми, кто традиционно принадлежит к иудеохристианской культуре. Причина в том, что общественные науки, в частности историческая наука, зиждятся на многочисленных философских не вполне доказуемых предположениях. Они-то представляют собой камень преткновения для тех, кто не принадлежит к нашей привычной интеллектуальной среде. Проследим данный вопрос на примере исторической науки.

Философия истории — производное от библейского текста. Библия — первая история, все прочие «истории» — реплики библейского текста. В отличие от христианства исламский сакральный первоисточник — Коран — скорее поэтическое произведение, если мы обращаемся к мекканским сурам, и законодательское — когда речь идет о мединских сурах. Таково предельно схематизированное объяснение различий двух религиозно-культурных парадигм. Однако современная история, социальные науки вообще — ныне — все же в большей мере продукт Просвещения и последующего «расхристианизирования» мировоззрения, именуемого секуляризацией.

При разговоре с мусульманской аудиторией обнаруживается, что мы на самом деле проповедуем иную религию, которая стоит на фундаменте христианства, однако плоды этой религии диаметрально противоположные христианству. Историки нередко упрекают христианских миссионеров периода Новой истории за их «назойливый прозелитизм», однако современная европейская культура, которую в настоящей статье мы именуем «религией либерализма», с той же назойливостью навязывает странам Востока чуждые принципы социального общежития. Есть и другие элементы, побуждающие думать, что перед нами не просто интеллектуальная парадигма, а новая религия.

Просвещение развилось как движение антиклерикальное и антихристианское. Оно — продукт разложения западного христианства; субъективная задача его авторов — в особенности энциклопедистов — была создать новую

парадигму мышления, новый понятийный словарь, свободный от авторитета религии, монархии, моральных устоев. Антиклерикализм объяснялся желанием все подвергать суду разума, однако и здесь возникли тупики сознания, особенно в области морали; пришлось снова прибегать к аксиоматическим, недоказуемым утверждениям, создавая искусственные, неукорененные в эмпирической реальности теории (например, «теория общественного договора, теория естественного права и др.). Если Просвещение изначально представляло разум в качестве предельного арбитра, то, создавая новые теории, оно должно было признать, что существует множество случаев, когда разум не в силах выступать в качестве предельно объективного арбитра. То есть максимы, принятые идеологами Просвещения на веру, заложили философские основания новой религии.

Иногда то, что трудно признать на словах, легко обнаружить в символических действиях. Французское Просвещение со своим культом Разума заменило личного Бога абстрактным, вместе с тем оно не отказалось его персонифицировать при помощи особого ритуала. Осенью 1793 г. в парижском соборе Нотр-Дам (Успенский собор) с немислимой помпой была интронизирована в алтаре актриса София Майяр (*Mademoiselle Maillard*) в качестве образа богини Разума. Революционные власти приказали совершать аналогичные «литургии» во всех церквях революционной Франции.

Революции сменяются периодическими откатами, однако со временем революционные цели достигаются эволюционным путем. Религиозная экзальтация, связанная с идеологическими установками Просвещения, на время превратилась в интеллектуальную традицию критического мышления и свободы самовыражения. Однако идеологические и связанные с ней политические процессы последних десятилетий во все большей степени показывают, что идеология либерализма становится крайне нетерпимой религией. Об этом Говард Кайнц высказывается следующим образом: «Многие христиане рассматривают войну в сфере культуры как столкновение между верующими — с одной стороны, и секулярными “либералами” — с другой. Следует, однако, различать либералов от либералов. Самые ожесточенные сражения проходят между традиционно верующими и либералами, которые к секулярному либерализму относятся с религиозным рвением. Такое понимание объясняет, почему спор с определенного типа либералами об абортах или однополых браках определенно бесплоден. Происходящее похоже на ситуацию, при которой убежденного мусульманина уговаривают принять Христа, но, поскольку его вера запрещает это делать, он может скорее стать христианином, чем согласиться. Религия либералов подобным образом запрещает какие бы то ни было уступки “консерваторам”»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Howard, P. Kainz, *The Culture War Is Between Religious Believers on Both Sides* // Touchstone, May 2006. — Chicago : The Fellowship of St. James. — P. 22. Howard, P. Kainz — профессор Маркетского университета (штат Висконсин, США).

Религию мы обычно связываем с верой в Бога, богов или хотя бы духов. В религиоведческой науке определение религии будет шире. В Британской энциклопедии в статье «Религия» объясняется, что «религия есть отношение человеческих существ к тому, что они считают святым, священным, абсолютным, духовным, божественным, или достойным особого поклонения»<sup>2</sup>. Другое — менее консервативное справочное издание — Толковый словарь Мериам-Вебстер (Merriam-Webster Collegiate Dictionary) уже расширяет дефиницию, где предметом религиозного поклонения становятся абстрактные «причина, принцип, или система верований»<sup>3</sup>.

Ныне, видимо, «религия либерализма» находится в завершающей стадии. У нее, как водится, также имеется классический аппарат, присущий религиям. В их числе — догматы, чьи основания — это те же установки религиозного либерализма эпохи Просвещения: человечество должно преодолеть религиозные предрассудки при помощи разума, ибо эмпирическая наука может и сможет ответить на все вопросы о мире и человеческих ценностях, ранее находившихся в ведении традиционной религии или теологии; человечество, несмотря на все препятствия, достигнет совершенства. Современный либерализм включает также три совершенства, избирательно заимствованных из Нового Завета, однако со своей интерпретацией. Призыв Иисуса «отдать кесарю кесарево, а Богу Богово» (Мк, 12:17) преподносится как крайний секуляризм, стена между Церковью и государством, где религия низведена до элемента частной жизни. Второе «совершенство» в религии либерализма заимствовано из Послания ап. Павла к Галатам (3:28): «Нет [уже] иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе». Оно толкуется как стирание половых границ и соответствующим образом их ролей; как снятие всех культурно-исторических и религиозных границ в угоду беспредельному «мультикультурализму». Похожим образом переиначивается место из Матф. 7:1: «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы». Это место интерпретируется в том духе, что понятие греха отменяется, ибо грех, чтобы его определить, нуждается в известном оценочном суждении<sup>4</sup>.

Наличие концепции греха в религии либерализма — явление крайне любопытное. Попытка отменить любое оценочное суждение означает, что моральное рассуждение является тяжелейшим из грехов; за этим следует в ка-

---

<sup>2</sup> URL : <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/497082/religion>

<sup>3</sup> Merriam-Webster's Collegiate Dictionary, 10th edition. — Springfield, Mass. : Merriam-Webster inc., 1993.

<sup>4</sup> Howard, P. Kainz, *The Culture War Is Between Religious Believers on Both Sides.* — P. 23–24.

честве тяжелейших грехов «расизм», что требует склоняться перед каждым расовым, или национальным меньшинством; далее следует «сексизм», что означает не обращение к обоим полам с равным достоинством, а запрещается делать любые различия между мужскими и женскими ролями; в ту же категорию попадает «гомофобия», что запрещает рассуждать о медицинской или физиологической валидности любых сексуальных ориентаций. Не менее серьезным грехом считается нетерпимость; под эту категорию подпадает учение католической церкви на Западе, однако исламский фундаментализм рассматривается в качестве извинительной реакции на крестовые походы Средневековья. И — наоборот: публичное высмеивание христианских догматов, священнослужителей соответствует «политкорректности». Христианские движения в защиту семьи и нерожденных детей демонизируются<sup>5</sup>.

Особо следует сказать о «Священном» Писании, которое включает две категории. Первая — это дарвинистские и научные сочинения, объясняющие даже категории морали с точки зрения материализма; вторая — феминистские сочинения, осуждающие «патриархию» и клеймящие многовековую эксплуатацию женщин мужчинами. Из крупнейших изданий мировой печати эти установки соблюдают и размножают «Нью-Йорк таймс» из газет и «Нейшл» — из журналов<sup>6</sup>.

Религии, как правило, не обходятся без литургий и ритуалов. Основное направление этих символических действий у религиозных либералов — против так называемой «порабощающей сексуальной морали». Сегодня «гей прайды» являются ритуалом, празднующим освобождение от традиционной морали в области половых отношений<sup>7</sup>.

Религиозный либерализм тесно связан с политической элитой определенного сорта. В США — это Демократическая партия<sup>8</sup>. Организации, лоббирующие аборт, такие как «Планируемая семья» (Planned Parenthood), «Американский союз защиты гражданских свобод» (ACLU), «Национальная организация женщин» (National Organization for Women, NOW), «Католики за свободный выбор» (Catholics for Free Choice), выступающие за неограниченные права на аборт, примыкают к Демократической партии США прежде всего из-за того, что Республиканская партия исторически была в большей степени связана с религиозными движениями, например, сравнительно недавним противораборным движением «За жизнь».

---

<sup>5</sup> Там же. — С. 24.

<sup>6</sup> Там же. — С. 25.

<sup>7</sup> Там же. — С. 25.

<sup>8</sup> Подробнее см.: James Kurth, *The New Liberalism in Global Politics: from Internationalism to Transnationalism* // Foreign Policy Research Institute, *E-Notes* // URL : <http://www.fpri.org/byauthor.html#kurth>

Эсхатология религиозного либерализма — обещание посюстороннего счастья здесь и сейчас, для достижения которого допускается любой образ жизни, за исключением того, что предано анафеме — традиционная религиозная мораль.

Святые этой религии — это те, кто приобрел известность своими скандальными антиобщественными выходками, пропагандирующими «альтернативный» образ жизни. Первая в этом ряду стоит Маргарет Хиггинс Сэнгер, основательница первой в США клиники абортот и «Американской лиги контроля над рождаемостью». Правда, в то же время она считала, что светлокотрая раса имеет превосходство перед «цветными» расами, предлагая принудительную стерилизацию для тех, кого считала «непригодным для воспроизводства». Таковыми считались не только представители определенных рас и национальностей (негры, евреи, иммигранты из Южной Европы), но и лица с «низким коэффициентом умственного развития»<sup>9</sup>. Андреа Дворкина и Катэрина Маккиннот — две феминистки крайних взглядов, первая из них, в частности, выступала за свободу порнографии под видом «свободы личности и слова»; вторая же считала порнографией только то, что касается женщины. На растлевающие изображения мужчин подобные возражения не распространялись.

Названные элементы религии либерализма достаточно известны, чтобы не быть откровением. В последние годы к ним присоединилась еще одна — тоталитарная черта — законодательство, направленное против того, что называется «враждебной речью». К этой категории относятся враждебные высказывания в интернет-комментариях, что само по себе следовало бы приветствовать. Однако в уголовно наказуемую категорию «враждебной речи» в нескольких европейских странах включено любое суждение о сексуальной ориентации, половой идентичности или проявлений оных.

В январе 2012 г. британская газета «Телеграф» писала о первом судебном процессе, который возбужден против пяти мужчин-мусульман за то, что они распространяли листовки против однополых браков во время прайд-парада в Дарбшире в 2010 г. Им грозит семилетний тюремный срок<sup>10</sup>. Католическому священнику-блоггеру из Хорватии в 2011 г. суд присудил 3-месячный тюремный срок за высказывания на своем сайте по поводу актов насилия, спровоцированных геями в Белграде в 2010 г.<sup>11</sup> Реальные сроки за высказывания против гомосексуализма получили священнослужители в Норвегии и Швеции.

---

<sup>9</sup> Drogin, E. Margaret Sanger, Father of Modern Society CUL Publications, 1980, Section 1. — P. 18–24; см. также Борис Денисов, Ангел-«предохранитель» в стране большевиков // «Медицинская газета», 9. — 23.01.2013.

<sup>10</sup> The Telegraph «Muslims posted 'nasty and frightening' anti-gay leaflets demanding homosexuals 'turn or burn' [Электронный ресурс]. — Дата доступа : 10.01.2012.

<sup>11</sup> ILGA-Europe's submission to EC 2011 Progress Report-Croatia.

Таким образом, борьбу за свободу слова (free speech) сменили законодательные инициативы против «враждебной речи» (hate speech), которая, кстати, не имеет общей для Европы дефиниции<sup>12</sup>. Это грозит неадекватными судебными расправами и злоупотреблениями со стороны заинтересованных лиц. Демократические ценности таким образом подпадают под исключительную угрозу быть полностью уничтоженными. На криминализацию «враждебной речи» осуществляются многочисленные проекты, иницируются кампании, учреждаются программы финансирования из государственных и частных фондов, используются международные организации (Европейский совет, ООН). Предпринимается попытка внедрить политкорректность на глобальном уровне.

Религия либерализма — это сознательный или неосознанный процесс дегуманизации человека. Лучше всего это проследить на примере антропологии новых верований. Взаимоотношения человек—Бог являются главными направляющими в антропогониях крупнейших религий. В древнеегипетской антропогонии человек возник от слез бога-творца Ре (Ра) — в отличие от богов, которые появились от пота творца (СТ 714)<sup>13</sup>. Таким образом, человек в древнеегипетской религиозной мысли стоял выше разных духов, именуемых богами. В антропогонии Двуречья первые люди, созданные богом-умельцем Энки, были оживлены кровью злого бога Кингу. Кровь недоброго бога делает человека злым. Зло нужно оградить, поэтому нет ничего удивительного в том, что древнейший законодательный кодекс появляется в Месопотамии: это законы Хаммурапи, составленные от имени бога солнца Шамаша. Но все равно в жилах человека течет божественная кровь. Кровь на Ближнем Востоке издревле была носителем, или даже субстанцией души. Как таковая она генетически связывала человека с Творцом. Так, например, не только семиты, но и индоевропейцы — древние хетты связывали свой антропогенезис с Божественным первоначалом<sup>14</sup>.

Отсюда человечество в своей совокупности составляло особую часть Бога, особую ипостась Его. Иными словами — человечество — особый модус бытия Бога. Антропология Древнего Египта через древнего Израиля стала достоянием христианства. Неоднократно в Священном Писании Церковь («Новое человечество») именуется Телом Христовым. *«Радуюсь в страданиях моих о вас <...> за Тело Его, еже есть Церковь»* (Кол. 1:24), — пишет

---

<sup>12</sup> The Council of Europe manual on «Hate Speech». — 2009.

<sup>13</sup> Подробнее см. : Bleeker, C. J. The Religion of Ancient Egypt // Historia Religionum. — Vol. II. — Leiden-Brill, 1971. — p. 93ff/

<sup>14</sup> См. Иванов, В. В. Реконструкция структуры символики и семантики индоевропейского погребального обряда. Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. — М., 1990. — С. 8; W/H/Ph/ Roemer/ Religion of Ancient Mesopotamia // Historia Religionum. — Vol. II. — Leiden-Brill, 1971. — p. 165ff.

о себе апостол Павел. Есть и другие упоминания этого рода: «Той (Христос) есть глава тела Церкви» (Кол. 7:13). «Я же есть тело Его, исполнение Исполняющего всяческая во всех» (Ефес. 7:22). И здесь видим, как древнейшая антропология Египта, Месопотамии и Анатолии воплощается в христианстве: Богоспасенное новое человечество является частью Божества-Христа. Другие ранние авторы Церкви, например св. Игнатий Антиохийский в своем Послании к ефесянам пишет, что Церковь пребывала до сотворения мира («церкви Ефесской в Азии, благословенной в полноте величия Бога Отца, прежде век предназначенной быть»)<sup>15</sup>, отсюда следует, что она — часть, ипостась или эйдос претечного Бога.

В иудеохристианской антропологии человек создается из праха земного, но тем не менее он сотворен по образу Божию (И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. (Бытие 1.27))<sup>16</sup>. По вере христиан, Бог посылает своего Сына (в известном смысле самого Себя) с тем, чтобы восстановить образ Божий в павшем человеке, чтобы восстановить его утраченное бессмертие. В религиозной антропологии человек божественен и это его качество является доминирующим. Потеря божественности означает смерть.

Если специфическое место обитания человека — сотворенный мир, то как этот мир появился? Первая глава Библии «Бытие» при помощи мифологических образов повествует о некоей космической катастрофе, где особенно характерны слова: «И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно» (Бытие, 3:22). Следует изгнание первочеловека из царства Божия. Человек «стал как один из Нас», т. е. как Бог. Над этой загадкой бились гностики II в., каббалисты XII—XIII вв. и мистики на протяжении всей истории Христианства. Объяснения, например в Каббале, вращались вокруг какой-то катастрофы внутри самого Божества, которая возникла из-за божественности человека. Иудеохристианская традиция впоследствии облечет это событие в мифологические одежды и причину катастрофы назовет «первородным грехом». Гностики считали, что итог этой катастрофы — извержение человека вовне Божества и помещение его в один из «зонов», что есть один из периферических Божественных модулов, иными словами — человек соединяется с тяжелыми, грубыми формами

---

<sup>15</sup> Св. Игнатий Богоносец, Послание к Ефесянам. Перевод прот. Петра Преображенского. — СПб., 1895; Eph/? salut. Ignatius. Epistle to Ephesians // The Anti-Nicene Fathers 1:49–58. — Grand Rapids : Eerdmans', 1944.

<sup>16</sup> Характерный для семитической религиозности страх «сотворить идола» на самом деле означает боязнь профанации Бога; сотворенный человеком образ неизменно будет носить в себе черты творца, т. е. человека.

материи. Но эта материя тоже есть одна из форм бытия Божия. Там человек обретает свою вторую природу — материальную.

Материальная ипостась человека приобретает формы и поведение, характерное животным. Гностики считали, что материя — вериги. Такое понимание природы человека составляло богословский фон множества аскетов и богословов Христианского Востока. На западе физическое тело именовалось «орудием» души. Св. Франциск Ассизский тело уподоблял ослу. Один из основоположников александрийской школы Богословия Ориген учил, что *апокатастасис* (*ἀποκατάστασις* — «восстановление») — это процесс возвращения всего сущего назад — в первоначальную монаду — в Божество, когда зоны и материя вернуться к своему первоначальному, непостижимому, апофатическому бытию. Это положение современная точная наука назовет законом *энтропии*, т. е. «рассеиванием» — в термодинамике, или просто «разрушением всего» — в более общем смысле физического бытия. Но возникает вопрос, каково место человека в этом космическом процессе апокатастасиса?

На этот вопрос пытался ответить католик-палеоантрополог Тейяр де Шардэн. По мере того, как протекает процесс энтропии материи, — считал он, — задача человечества — творить положительную духовную энергию, которая не рассеивается, а наоборот — концентрируется в «точке омега», иными словами — возвращается к своему Божественному первоисточнику.

Крупнейший историк-теоретик XX в. Арнольд Тойнби полагал, что «религия — сердце человеческой жизни». Двадцать шесть изученных им цивилизаций, по его убеждению, существовали постольку, поскольку религии, создавшие эти цивилизации, были способны ответить на вызовы политического и морального свойства. И наоборот — неспособность это сделать сулила скорый закат и конец данной цивилизации<sup>17</sup>. Хотя Арнольд Тойнби сам не был верующим, в его рассуждениях прослеживается логика протестантской теологии. Его утверждение можно выразить и другими словами — расцвет той или иной цивилизации является осязаемой проекцией Божиего благоволения, невозможного без духовных (хотя и будущих) заслуг.

Другой поворот в антропологии намечался с эпохи рационализма и Просвещения. Лучшие философы и Богословы этого периода, такие как Малбранш, Лейбниц, Спиноза, — все еще подчеркивали Божественное измерение человека, однако идеологи Просвещения Жан-Жак Руссо, Вольтер, Дени Дидро, эмоциональный накал которых был антиклерикализм, стали теоретизировать о том, что человек мог бы и возникнуть из обезьяны. Чарлз Дарвин еще не родился, как его теория уже появилась в качестве идеи. В 1809 г., когда родился Дарвин, один из французских мыслителей Жан Батист Ламарк

---

<sup>17</sup> Sk. Paul F. Knitter. *No Other Name? A Critical Survey of Christian Attitudes Toward the World religions*. — Mariknoll, NY : Orbis Books, 1985. — P. 37–42.

в своей «*Философии зоологии*» изложил идею, что в известных обстоятельства обезьяна могла бы подняться на задние лапы и приобрести те антропологические свойства, которыми обладает современный человек. В 1868 г. немецкий ученый Эрнст Геккель высказал гипотезу, что происхождение человека от обезьяны можно будет доказать тогда, когда удастся найти «переходный экземпляр» между человеком и обезьяной, где бы анатомические особенности человека и обезьяны составляли пропорцию 50:50.

Эта идея зажгла молодого голландского врача Эжена Дибуга. Он в 1887 г. отправляется в Голландскую Индию, чтобы там на острове Суматра искать доказательства теории Геккеля. Поиски в Суматре были неудачны, и уже обескураженный исследователь отправился на другой остров — Яву, чтобы там продолжать раскопки недалеко от города Суракарты. Там, в отложениях реки Соло, в декабре—январе 1891—1892 гг. он нашел искомое: верхнюю часть черепа, два зуба и берцовую кость. Это были останки «переходного экземпляра». Первая датировка была полмиллиона лет назад. находка получила название «*pithecanthropus erectus*»<sup>18</sup>. Недолго после Дибуга последовали находки в Чоукотяне недалеко от Пекина — там найденные останки назвали «китайским человеком» — «синантропом». На сей раз останки нашли в богатом культурном слое, который полностью подтверждал человеческие черты синантропа.

Дальнейшие изыскания Карла Нарра, Йоганна Марингера и Пэй Ванджуна доказали, что питекантроп вовсе не полуобезьяна, а человек — «*homo erectus*»<sup>19</sup>. Палеоантропология впоследствии дала новые открытия — в 1960-е гг. Луис Лики нашел африканского «*Homo habilis*», датировка которого была уже 1,5—2,5 млн лет, потом последовали находки 6—8 млн лет назад жившего «*Ramaпитека*». Горизонт датировок найденных человекообразных существ все отодвигается, однако убедительный «переходный экземпляр» до сих пор не найден.

Все же находки палеоантропологов особенно не помешали замещению антропологии зоологией. Особую роль в этом сыграла психология Зигмунда Фрейда, которая укрепила представление о том, что человек — все-таки животное; что же до психических процессов, то они продиктованы той или иной физиологической функцией животногообразного человека. В сущности Фрейд и фрейдизм только выразили саморефлексию эпохи и цивилизации: человек захотел стать животным, а что до теоретиков, то таковые в нужный момент всегда находятся. Услужливые теологи поторопились приспособить христианство зоологической антропологии, в среде либеральных богословов

---

<sup>18</sup> Tiesa gan, Dibūā uz nāves gultas atzinās, ka viņš pieslīpējis sava atraduma kaulus, lai tie izskatītos vairāk pēc cilvēka.

<sup>19</sup> Зубов, А. Б. *История религий*. — Кн. 1. — М.: 1977. — С. 30—31. Д. Дж. Е. Холл. *История Юго-Восточной Азии*. — М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1958. — С. 23.

замолкли разговоры о бессмертии человека и его укоренности в Божественном. Последовали движения и направления мысли с приставкой «пост-». Общее их качество в том, что все современные богословские теории приняли зоологическую антропологию. Представитель русского интуитивизма Николай Лосский заключил, что снятие богоподобия с человека заканчивается снятием его человечности.

Антропология либерализма мало чем отличается от представлений о человеке в современном «научном мировоззрении». Либерализм как религия во многом является крайним проявлением простого «научного мировоззрения». Вопрос в том, не является ли «научное мировоззрение» нашей подлинной религией, которая конфликтует с Христианством и заодно со всеми другими религиями мира?

## **РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В. В. ЗЕНЬКОВСКОГО И ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА**

*В. К. Ларионова  
(Ивано-Франковск, Украина)*

Существует вполне реальная теоретическая и методологическая проблема выявления эвристического потенциала различных антропологических учений, разработанных в отечественной культуре. В этой связи представляется актуальным проанализировать схождение и расхождение образов человека, понимание идеалов и целей образования, ценностных оснований и норм, принципов воспитательного процесса в философской и религиозной мысли. Лучше всего это можно сделать на примере теоретического наследия философа, богослова, культуролога и педагога В. В. Зеньковского.

В. В. Зеньковский, развивая идею христианской философии, ядром которой является учение о человеке, ничего не выдумывает, а лишь продолжает православную философскую традицию, а также переосмысливает последние славянофилов.

У В. В. Зеньковского, также как и у А. С. Хомякова, антропология является посредницей между богословием и философией. Именно эта тенденция способствовала тому, что в начале XX в. возникла религиозно-философская антропология.

Его работы отличаются не только критической философской рефлексией, но и новым пониманием сущности религиозного духовного становления человека.